

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МАРИНА АЛЕКСАНДРОВА
КОРНИ ЗЕМЛИ

ПОСЛАННИК

РАССЛЕДОВАНИЕ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

Марина Генриховна Александрова
Посланник
Серия «Корни земли», книга 7

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42810720
Посланник:

Аннотация

Эпоха Петра Первого: дети знатных семей едут учиться за границу. Граф Преонский направляется в Швецию с секретной миссией. Это поручение перевернет его судьбу и заставит на время забыть о том, что у него есть невеста на родине...

Содержание

Легенда о перстне	4
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	55
Глава 7	64
Глава 8	70
Глава 9	79
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Марина Александрова

Посланник

Легенда о перстне

В давние времена в славном городе Константинополе жил некий ювелир. История не сохранила имени его, но известно, что равных этому мастеру не было во всей Византии. Самые прекрасные женщины почитали за честь носить украшения, изготовленные этим ювелиром, и сам император не раз обращался к нему, заказывая то одну безделушку, то другую.

Деньги рекой текли в карман к ювелиру, и всего у него было в достатке. Не было одного – семьи. Жил мастер затворником, а годы шли и шли, и молодость уходила.

Но однажды в его мастерскую пришла молодая девушка, желавшая заказать себе скромное украшение. Спокойно выслушал мастер ее просьбу, но когда девушка сняла покрывало, чтобы рассмотреть образцы, – какое ангельское личико предстало его потрясенному взору! Гостья была прелестна, обворожительна, безупречная гармония сияла во всей ее фигуре, в каждом движении, а голубые глаза искрились, как сапфиры, и локоны блестели, как расплавленное золото. Ей нельзя было дать более пятнадцати лет.

Улыбкой неизъяснимой прелести пленила она ювелира, и

тот запылал страстью, как безрассудный юнец. И – о чудо! – она ответила ему столь же пылкими чувствами.

Ничего не зная о своей избраннице, ювелир поспешил со свадьбой, ибо препятствий к ней не было. Только после того как Господь соединил их навеки, несчастному мастеру раскрылся характер его супруги. Под ангельской оболочкой скрывался дьявольский нрав, но ювелир продолжал любить свою жену. Он терпел и прощал все ее злобные выходки, решив со смирением нести свой крест и на зло отвечать добром.

Время шло, ювелир проводил дни в трудах и заботах, а его молодая жена, предоставленная самой себе, – в блаженной праздности. Святые обеты были нарушены ею с первого дня брака – не стала она опорой и помощью своему супругу, но ежечасно отравляла ему жизнь.

Лишь одним смогла она порадовать мужа – вестью о своей беременности. Ювелир, будучи уже человеком преклонных лет, не смел и надеяться на такое счастье, поэтому был сам не свой от радости. Кроме того, он полагал, что рождение ребенка смягчит нрав его супруги.

В положенный срок жена разрешилась чудесной девочкой, и семейная жизнь нашего героя стала понемногу входить в спокойное русло. Конечно, жена ювелира не стала образцом добродетели, но присутствие невинного младенца удерживало ее от злобных выходок.

Как-то раз жена попросила ювелира отпустить ее пого-

стить у родителей. Добрый муж, который ни в чем не препятствовал своей супруге, с радостью согласился. С той поры такие поездки вошли в обычай. Каждый год жена уезжала на несколько дней и возвращалась такой довольной, что даже с мужем обращалась почти ласково.

Одно огорчало доброго ювелира – ни разу жена не взяла с собой дочь. Однако она указала ему причины такого поведения: отец ее, говорила она, не может смириться с тем, что на свет появилась девочка, а не мальчик, наследник, и потому не хочет видеть внучку.

Ювелир слепо верил всем словам супруги, и невдомек было ему, что не к родителям ездит его обожаемая женушка. Увы! Она погубила свою бессмертную душу, связавшись с врагом рода человеческого, и каждый год отлучалась из дома, чтобы присутствовать на богопротивных черных мессах.

Дочь подросла и стала такой же красивой, как мать, и доброй, как отец. Душа ее была чиста и невинна, как у настоящего ангела, сошедшего с небес на грешную землю.

Всякий раз, когда мать готовилась к отъезду, дочь просила взять ее с собой. И однажды мать согласилась...

На этот раз поездка затянулась немного дольше, чем обычно. Через месяц к ювелиру вернулась жена и, проливая притворные слезы, сказала ему, что их единственная дочь скончалась у родственников от лихорадки.

Ювелир был безутешен, но ни на минуту не усомнился в правдивости слов жены, только лишь изъявил желание как

можно скорее посетить могилу дочери. Жена не сопротивлялась открыто, но каждый раз находила все новые поводы для того, чтобы отложить поездку.

Наконец ювелир заподозрил неладное и, не сказав жене ни слова, уехал к ее родителям один. Каково же было его недоумение, когда он обнаружил, что родители жены скончались несколько лет назад. Сначала он не поверил этому, но сам посетил кладбище и нашел их могилы. Могилы же дочери ему найти так и не удалось.

Вернувшись домой, ювелир не сказал жене ни слова о том, где он был и что обнаружил. Та, испугавшись сначала, постепенно успокоилась и пришла к выводу, что ее супруг ездил по каким-то своим делам.

Но с того дня ей больше не удавалось обмануть бдительность мужа. Куда бы она ни шла, что бы ни делала, за ней следили его глаза. Когда же она в очередной раз собралась «погостить у родителей», ювелир сказался больным. Жена с легким сердцем уехала одна, а он тайно отправился за ней, стремясь разгадать зловещую тайну.

Как тень следовал он за вероломной женой и увидел тот адский притон, где служили мессу, увидел окровавленный алтарь, и волосы зашевелились у него на голове: он понял, что дочь его была принесена в жертву сатане.

Но в этот раз нечистый не получил своей добычи. Черная месса была прервана в самом разгаре – ювелир собрал многих вооруженных людей и священников. Все участники дья-

вольской секты были преданы пытке и смерти, а жена ювелира была признана одержимой бесом.

В уединенном монастыре были произведены предписанные обряды. Несколько суток подряд над одержимой читались молитвы, пока демон не покинул ее тело. Несчастная успела покаяться и причаститься, после чего с миром скончалась.

Отпускать злого духа бродить по земле было бы весьма неосмотрительно, но погубить его было невозможно. Потому монахи решили заточить демона, чтобы не мог он вредить людям. Для этого ювелир изготовил кольцо – простой серебряный перстень с черным опалом. В него-то стараниями монахов и был загнан демон.

Но могущество духа тьмы было столь велико, что и из недр камня мог он строить свои козни. Монахи, опасаясь грядущих бед, наложили на него несколько заклятий и отчасти приуменьшили его силу.

Результат был таков: демон, заключенный в перстне, будет помогать своему хозяину (а именно ювелиру, всем его родственникам и потомкам), пока хозяин его не совершит три преступления. После этого чары заклятья рухнут, и дух тьмы волен будет расправиться с владельцем перстня, и ничто не сможет ему помешать.

Для того чтобы попасть под губительную власть демона, владельцу перстня достаточно было совершить следующие преступления: стать виновником смерти женщины, содейть

грех лжесвидетельствования и заставить голодать ребенка.

Монахи не думали, что перстень окажется в руках мирского человека, ибо мастер, потеряв свою семью, остался в монастыре и в скором времени постригся в монахи. Кольцо он всегда носил на среднем пальце правой руки как вечное напоминание о собственной неосмотрительности и простекшем от нее несчастье. Он завещал похоронить злое кольцо вместе с ним, чтобы тем самым навсегда избавить людей от напасти. Но судьба распорядилась иначе...

Глава 1

Татьяна проснулась со смутным чувством страха и усталости. Она лежала, уставившись в высокий потолок, и слушала колокольный звон, доносившийся со стороны Успенского собора и оповещавший о начале дня. Женщина с тревогой вспомнила свой сон, который повторялся уже несколько дней подряд.

Она шла по темному лесу в одной исподнице и вдруг заметила стаю волков, притаившихся за кустами. В страхе она прижалась к дереву, которое во сне показалось ей спасением. Под раскидистыми ветвями и густой листвой она нашла убежище, но смутная тревога и опасность не принесли успокоения даже под этим деревом-исполином.

Она опустила на землю и заметила светящиеся в темноте глаза волков, приближающихся к ней. Отвела взгляд, и прямо на нее с самой нижней ветки с шипением стала двигаться змея. В ужасе и холодном поту она проснулась.

«Господи, – думала Татьяна, – когда же это кончится? Не к добру сей сон, не к добру. Надо бы за советом к Авдотье-Пичуге сходить».

А в то же время на окраине села Волуйки разгадывала свой сон Авдотья-Пичуга. Никогда ее мысли не путались так, как сегодня.

«Старею, – думала Авдотья, – вот и чудится мне всякое».

В избенку вошел ее сын Фома – здоровенный мужик лет пятидесяти, не имевший ни семьи, ни детей. Как вернулся с чужих земель, так окромя медовухи не было у него собеседника. Вот и сейчас заметила Авдотья, что сынок опять во хмелю.

– Ох, тяжко, тяжко! – запричитала Авдотья. – Отойди, окаянный! – закричала она на Фому, который хотел ее поддержать.

– Ты что, мать? Никак дурное с тобой сделалось? Как же я тебя брошу? Чудная! – Фома подхватил сухонькую старушку и отнес на топчан.

– Сядь! – приказала внезапно Авдотья сыну – она уже не чувствовала дурноты. – Сядь подле и сказывай, какой грех сотворил, ирод? Пошто обиду нанес людям, коли мне теперь за тебя перед силами небесными ответ держать велено?

– Ты что, маманя, в своем уме?! Аль повредилась им нена роком? – хмель еще бесом сидел в голове Фомы.

– Не перечь! – вдруг закричала Авдотья. – Мать уже у одра смертного, а он перечить удумал! Сказывай, говорю!

* * *

Татьяна не в первый раз подумывала о святом заговоре, творимом колдуньей Авдотьей-Пичугой. Она все надеялась, что образумится ее Антон, как она звала своего иноземного мужа Антуана. Уж который год пристрастился граф к зелью

хмельному, и спасу нет от беды такой.

Даже красавица жена и малолетка сын, боготворимые Антуаном в начале его семейной жизни, отошли на второй план. Частенько задумывалась Татьяна: а стоило ли выходить замуж за него, когда к ней, богатой, молодой и рано потерявшей единственного родного человека – отца, стали свататься князья и министры? Но прошлого не воротишь, как ни мучайся от дум тяжких.

Ее горестные размышления прервал влетевший в спальню сын Никита.

– Мама! Мама, – закричал он, взбираясь на высокую кровать четы Преонских-Кюри, – а батеньку опять будочник домой под руки ведет! Гляди! – Никита тащил Татьяну с постели к окну.

Татьяна, сдерживая внезапно нахлынувшие слезы, поднялась и подошла к окну, в очередной раз наблюдая за мужем, когда-то одним из самых уважаемых людей в русской столице. Ее муж, Антуан де Кюри, был потомком древнейшего французского рода. Антуана пригласил в Россию сам царь Петр во время Великого посольства, когда набирал в странах Западной Европы специалистов для помощи во всяческих нововведениях.

Освоившись в России, Антуан приобрел доверие среди приближенных Петра и служил советником по всем вопросам, касающимся одежды, причесок и всех других новшеств, которые царь-реформатор считал нужным ввести в быт сво-

их подданных. Русские люди в привычках, обыкновениях и даже в одежде имели много сходства с азиатами. Золотые кафтаны, дорогие шубы, меховые шапки и длинные бороды делали их очень похожими на турок и татар, разделяя их резкой чертой с европейцами.

От уничтожения этой черты зависело многое.

Антуан с радостью взялся за новое дело. Быть рядом с царем, давать тому советы и вместе нести груз радостей и печалей, постигающих великую державу, – все это для Антуана было не так важно, как быть рядом с любимой женщиной, которую он встретил на своем первом балу и сразу влюбился.

Встретились Татьяна и Антуан в Москве, в доме богатой боярыни Анастасии Быстровой, которая содействовала их союзу.

Семья Преонских – отец Кузьма Петрович и дочь Татьяна – была в Москве одной из самых уважаемых.

Кузьма Петрович в свое время состоял в должности главного тайного советника при царе Алексее Михайловиче. Он много сделал для державы, и его уважал и горячо любил царь. После смерти Алексея Михайловича положение Кузьмы Петровича осталось прежним. Он всегда был человеком серьезным и рассудительным. К нему часто обращались за советами, еще будучи недоростками, те люди, которые в дальнейшем сыграли большую роль в жизни России.

Однажды, возвращаясь с очередного учения по стрельбе, к которому Кузьма Петрович был охоч, он вместе с капи-

таном регулярного отряда Гордеевым и несколькими солдатами наткнулись на бесчинство, творимое двумя злодеями над бедной женщиной, которая тщетно пыталась от них избавиться.

Если бы не Кузьма Петрович с Гордеевым и полудюжиной солдат, натерпелась бы несчастная всяких подлостей от пьяных бродяг.

При виде солдат эти двое дали деру, бросив бедную женщину.

– Спасибо вам, добрые люди! Спасли от греха и смерти! – плакалась она, стоя на коленях перед Кузьмой Петровичем.

– Ну что ты, что ты заладила, – говорил Кузьма Петрович, пытаясь поднять ее с колен.

Наконец она встала и, утерев слезы, впервые улыбнулась. Улыбка осветила лицо незнакомки, и Кузьма Петрович вдруг почувствовал необычайную нежность к ней.

В тот момент Кузьма Петрович был уже немолод, но не женат. Многочисленные знакомые все пытались засватать ему одну из самых красивых и знатных московских невест. Но не лежала душа у Преонского ни к одной из них, да и дела важные никак не способствовали тихой семейной жизни.

И вот сейчас, именно в тот момент, когда взглянула незнакомка своими бездонными карими глазами на Кузьму Петровича, защемило у него сердце.

– Ну, рассказывай, милая, кто ты и откуда взялась? – спросил Гордеев, когда Преонский от смущения не мог и слова

ВЫМОЛВИТЬ.

– Нездешняя я, осталась сиротой и приехала к дяде родному, так никак не доеду до него, – голос ее уже не дрожал.

«Молодцом держится девка и красива необычайно», – думал Кузьма Петрович, поглядывая на нее, и ему все больше хотелось стоять вот так рядом, слушать ее приятный сердцу голос и смотреть в огромные карие глаза.

– А звать-то тебя как? – не узнав своего голоса, спросил Преонский.

– Катерина. Катерина Агеева, – скромно опустив глаза, ответила красавица.

Катерина сказала адрес дяди, и Кузьма Петрович, к удивлению своих спутников, вызвался проводить ее.

– Дядя мой служит в стрельцах, – рассказывала дорогой девушка Кузьме Петровичу. – Родители мои померли, а я сюда приехала, – она испуганно оглядывалась по сторонам, кутаясь в меховую шаль.

– Значит, теперь здесь жить будешь? – спросил Преонский.

– Если Бог даст! – тяжело вздохнула Катерина.

Они, как показалось Кузьме Петровичу, слишком быстро дошли до нужного дома. Перед тем как войти в дом дяди, девушка достала из кармана колечко.

– Прими от меня, добрый человек. Хотя и имени твоего не знаю, но молиться за тебя буду святому Николаю-Угоднику! – Катерина быстро сунула Кузьме Петровичу кольцо и

исчезла за калиткой.

— Стой! — закричал он, пытаясь достать колечко и путаясь в многочисленных карманах. — Стой, подожди! Ну и девка, как оборотень, была и нет! — рассуждал Преонский, стоя перед калиткой.

Он внимательно посмотрел на колечко. С виду ничего особенного. Недорогое, но сделано со вкусом. Оно казалось маловатым даже для мизинца, но Кузьма все же надел его на средний палец левой руки. Он так и не понял — то ли палец уменьшился, то ли кольцо увеличилось, а может, с головой что случилось, ежели не распознал сразу, что кольцо как раз впору оказалось.

«Да, дела!» — подумал уставший Кузьма и направился домой.

С тех пор он часто стал ходить возле дома Прокопа Агеева, чтобы полюбоваться на Катерину хотя бы издали. Сам порой не замечал, как оказывался у дверей агеевских, но зайти не смел. Сам себя корил: «Эх, старый пенек, года-то уж не те, а все туда же норовишь! К бабе под юбку».

Но возраст тут был ни при чем. Любовь нужна была Кузьме, ласка и забота женская. И вот однажды шел он, раздумывая о житье-бытье своем, а в тот момент закончилась вечерняя служба в церкви и народ спешно возвращался домой, прячась от надвигающейся грозы.

Гроыхнул гром, и люд, стоявший под крышей сапожника Диванова, перекрестился, а дитя малое на руках молод-

ки зашлось плачем на всю улицу. Решил и Кузьма непогоду переждать у Диванова. Торопиться-то особо некуда. Только стал он под навес, слышит тихий голос:

– Неужель и тебя, боярин, гроза испугала?

Кузьма от неожиданности резко обернулся.

Недалече от молодки стояла, кутаясь в знакомую шаль, Катерина.

– Доброго здравия, Катерина, – еле слышно прошептал Кузьма. Она, дабы соблюсти нравы послушные, лишь поклон отвесила и отвернулась.

«Эх, хитра девица!» – подумал Кузьма. Но решился в тот момент не упускать ее из виду. Дождь все лил, и приятно было стоять Кузьме вот так, когда за спиной зазноба твоя, и тоже смотрит на тебя участливо. Кузьма оглядел люд честной. Но так никого и не запомнил, одна Катерина перед глазами стоит.

Наконец начали все расходиться. Остались под крышей только они одни.

– Ну, рассказывай, как поживаешь? – спросил Кузьма.

– Да как сказать. Я толком и не знаю, что творится, – она смотрела на Кузьму.

– Ты это о чем?

– О тебе, боярин.

Кузьму как обухом по голове огрели. В смущении не знал, куда деть глаза. Руками кафтан расшитый стал теревить. Катерина остановила его. Взялась своей маленькой ручкой за

его и тихо произнесла:

– Видела я тебя у дома своего. Ходишь, словно недоросток, а чтоб зайти в дом к холопке простой и думу свою сказывать, нет помыслов? – обида была в ее глазах.

– Что ты, – Кузьма подошел ближе, – неужель не видишь седин моих? Думаешь, легко мне вот так старому зайти в дом к молодой девице? Да еще осмеют! Да и Прокоп, дядька твой, наверняка нашел тебе жениха подходящего. А мне куда! Только и могу, что смотреть на тебя издали и судьбу благодар...

Катерина перебила его:

– Душа моя не только благодарностью к тебе полна. Вот и разумеи теперь сам. А про Прокопа и заботу его забудь! – она отвела взгляд.

– Неужто обижать тебя посмел? – Кузьма провел рукой по нежной щеке Катерины. – Ежели есть у тебя обида на него, скажи, я его враз угомоню!

– Нет, нет, что ты! Хорош дядька, да только не отец ведь он мне и не брат кровный.

Проводил Кузьма в тот вечер Катерину и через месяц сватов прислал. И в тот же 1671 год, в день Святых Апостолов Петра и Павла – 29 июня, когда Кузьме Петровичу исполнилось ни много ни мало 40 лет, в Успенском соборе он обвенчался с Катериной Агеевой.

Свадьба удалась на славу. Веселая, пышная, с ряжеными и скоморохами дворцовыми. Рядились даже придворные. В

день свадьбы Кузьмы и Катерины и придворные, и челядь были одинаковы: все в масках и веселы. Поздравил молодую чету и сам царь Алексей Михайлович, и думный дворянин его Артамон Матвеев.

Глава 2

Больше десяти лет прожили Преонские без детей. И в день, когда умер царь Федор, у четы Преонских родилась дочь Татьяна. Шел 1682 год.

Вскоре наступили смутные, беспокойные времена в государстве Русском. В мае стрельцы подняли бунт, во главе которого, как потом оказалось, стояла сама царевна Софья – по ее приказу были казнены бояре Матвеев и Нарышкины, которые обвинялись в смерти Иоанна. Напрасно больной и слабый царевич сам выходил к ним и уверял, что никто не думал лишать его жизни: безумцы уже успели убить добродетельного боярина Матвеева, доктора фон Гадена и начальника Стрелецкого приказа князя Долгорукова. Хотя вид живого царевича Иоанна их и остановил на несколько минут, но потом, как будто пожалев о потерянном времени, злодеи бросились доканчивать свои убийства.

Главными жертвами после первых трех были братья царицы – Афанасий и Иван Нарышкины, князья Ромодановские и Черкасский, бояре Языков и Салтыков, всего 67 человек.

Смутным и тяжелым оказалось то время, но и оно не могло омрачить радость Кузьмы из-за рождения дочери. Однако счастье его продлилось не долго – вскоре после появления на свет Татьяны ее мать Катерина скончалась, так и не оправившись после трудных родов.

Потерю Катерины Кузьма Петрович переживал тяжело и даже к новорожденной дочери не сразу привык.

Года два исполнилось Татьяне, когда он впервые взял ее на руки. А когда она вошла в свою шестнадцатую весну, он рассказал ей вот что: «Этот перстень – подарок мне от твоей матери. Я тебе наказываю хранить его после моей смерти. Носи его, никому не продавай, не дари и не избавляйся от него. Это единственная память о матери твоей Катерине. Родовое оно. Наказывала она мне беречь его и тебе передать».

Кузьме Петровичу было около семидесяти, когда он покинул Россию и вместе с послами отправился в союзную Польшу. Поездка обещала быть скорой. Но, увы...

Отец Татьяны пропал. О нем ничего не было слышно почти год, в течение которого Татьяна нигде не появлялась. А затем случайно встретилась с Антуаном де Кюри в доме своей дальней родственницы.

Татьяна тогда впервые вышла в свет после исчезновения отца. И каково же было ее состояние, когда она увидела хорошо знакомый ей отцовский перстень на пальце молодого графа де Кюри. Ей сделалось дурно при виде перстня, так что подружки ее, не на шутку перепугавшись, побежали за Быстровой, которая была занята разговором с другими гостями.

Татьяне пришлось все объяснить Анастасии Быстровой. Та пообещала вскорости разузнать про француза и колечко. Татьяна не могла дождаться дня, когда была назначена

встреча с Быстровой.

* * *

Встревоженная, сидела Татьяна утром за вышиванием. Даже ее нянька Дуня заметила беспокойное состояние госпожи.

— Ну чаво ты, детонька, опечалилась? Али кто обидел тебя? — вопрошала она Татьяну.

Татьяна только покачала головой и принялась заново за шитье, которое обронила, вглядываясь в незнакомую карету, проезжавшую по улице.

— Ох, жалость-то, что батеньки рядом нету! Не случилось бы с тобой, милая, хандры-то! — тяжело вздыхая, проговорила Дуня.

Татьяна в сотый раз за сегодняшний день вздрогнула. Снился ей отец. Просил жалостливо о чем-то. Но не могла разобрать Татьяна, о чем ее молит отец. Только руки запомнились. Тянет, тянет их. Руки отцовы видела чистыми и здоровыми, токмо без пальца одного, без того, на котором колечко было.

Рассказала она сон своей няньке, та лишь плечами пожала и разгадать не смогла. Это показалось странным. Обычно на все сны, которые поверяла ей юная хозяйка, у Дуни всегда находился верный и дельный ответ.

Наконец Татьяна решила немного передохнуть. Она вста-

ла и прошла в залу, где Дуня приказала накрывать на стол к обеду.

Уже сели за стол, как к крыльцу с шумом подъехала карета.

Татьяна вскочила, обронив нож, и опрометью бросилась к окну.

С козел кареты соскочил мужчина и, приводя себя в порядок, посмотрел в окно. Увидав Татьяну, он махнул шляпой в знак приветствия. На лице мужчины играла ослепительная улыбка, но Татьяне почему-то стало беспокойно.

– Никак к нам гости пожаловали? – спросила Дуня, выглядывая из-за спины Татьяны.

Татьяна сразу же узнала Антуана. Именно он был обладателем кольца, которое принадлежало их семейству.

«Зачем он-то пожаловал? – думала Татьяна. – Неужели Быстрова ему сказала о кольце? А может, он что зазорное подумал про меня?»

Тысячи мыслей пронеслись в разгоряченном мозгу девушки, пока Дуня встречала Антуана.

Он вошел в дом, и Татьяна вспомнила свои обязанности гостеприимной хозяйки.

– Добрый вам день, Татьяна Кузьминична! – поприветствовал Татьяну Антуан. В тот момент уже никого в комнате не осталось, кроме них да Дуни.

– Здравствуйте, – ответила Татьяна. Она немного сердилась, что визитер, не предупредив, явился в дом молодой де-

вушки.

– Вы простите меня любезно! – Антуан приложил руку к сердцу. – Я знаю о правилах, но не смог более медлить, как только узнал о вашем интересе к моей скромной персоне. К тому ж и Анастасия Павловна, поручительница ваша, захворала и не могла выехать со мной.

Дуня придвинулась ближе к Татьяне и внимательно слушала, мало понимая, о чем говорит этот незнакомый молодой человек.

Он стоял и ждал какого-нибудь словечка от Татьяны. Но та лишь заворуженно следила за его руками, вернее, за одной, на которой было кольцо ее отца.

– О-откуда? – спросила Татьяна дрожащим голосом, показывая на кольцо.

Он посмотрел на колечко, потом на Татьяну и начал снимать его с пальца.

– Вот за этим мы и встретились здесь! – сказал Антуан, протягивая девушке кольцо. – Мне рассказала обо всем боярыня Анастасия Павловна Быстрова, и я сразу поспешил к вам. И если правда, что этот перстень принадлежал вашему родителю и имеет для вас значение, я буду счастлив отдать его вам! – он протянул ей колечко на ладони.

Татьяна с трепетом коснулась руки Антуана и взяла перстень. Он манил ее, словно просился в ручку Татьяны.

Антуан склонил голову и смотрел на зачарованную девушку, любуясь ее красотой и тем, как она приняла это ко-

лечко. Антуану показалось, что у девушки даже слезы выступили на глазах.

– Господи Боже! – перекрестилась Дуня. – Так это ж хозьево кольцо! Откудова оно у тебя, мил человек? – спросила Дуня и, схватив его за рукав, запричитала: – Не томи! Расскажи, али не видишь дочерню тоску?

Татьяна и впрямь готова была разрыдаться.

– С-с-скажите, к-как оно у вас... – срывающимся голосом промолвила Татьяна, – жив ли батенька, али, может, встретили вы его где? – Татьяна села на стул и смотрела на Антуана молящим взором.

– Я все вам поведаю. Все. Только вы сначала успокойтесь и выпейте водички. И еще... – Антуан посмотрел прямо в глаза Татьяне, – сразу скажу, что отца вашего я не знаю и не видел даже, а вот про колечко кое-что поведаю.

Татьяна с Дуней уселись около Антуана, и он, глядя в печальные глаза двух женщин, начал свое повествование:

«Все началось с того, что в порт нашего города в позапрошлом году пристал корабль с иноземцами. Они везли товар по всем странам, и так как были торговым судном, в порту любого города, кроме воюющего, им оказывалось снисхождение.

В городе они имеют право быть три дня, а потом обязаны уйти из порта.

Так вот, в один прекрасный день мой отец встретил одного чернокожего, который и принес это колечко, чтобы обме-

нять на соль. Цены большой отец мой в кольце не углядел и брать его отказался.

Арап и так и сяк уговаривал отца, и я, не сдержавшись, вышел из комнаты. Попросив посмотреть на колечко, я тут же надел его и, расплатившись с арапом сверх меры, избавил отца своего от этого назойливого человека, уже начав раздражать и меня.

Впоследствии я узнал, что арап сей был с того корабля капитаном, а корабль звался „Святая Елена“, ежели переводить на русский язык».

Антуан, пожив в России, понял, как важно уметь говорить именно так, как говорят истинные русичи. И благодаря природной смекалке и острому уму, освоил все тонкости русского языка сразу, чем порадовал не только знакомых, подчиненных, но и самого царя.

Вот и Татьяна после его рассказа сразу прониклась душой к незнакомцу, хотя до конца и не верила его словам.

– Поклянись, сын Божий, что нет в речах твоих лжи и умысла злого, что не разбойным путем кольцо у тебя оказалось и нет на совести твоей смерти отца Татьяны, – потребовала Дуня, глядя на Антуана строгим взглядом.

– Няня, – закричала Татьяна, – разве можно так! Вы...

– Ничего, я все понимаю, Татьяна Кузьминична, – он посмотрел на Дуню и произнес:

– Разве ж можно лгать, когда смотрит на меня госпожа взглядом чистым, как ангел! Все бы отдал, чтоб знать, ка-

кая судьба постигла и кольцо сие и владыку его! Татьяна, поверьте, нет в словах моих и капли неверного. Как было, так и рассказал.

– Хорошо. Я вам верю и бесконечно благодарна за это кольцо. Просил отец беречь его пуще глаза. Это отцу подарок был от маменьки моей покойной. Наше оно, родовое, – объясняла она Антуану, который уже был до беспамятства влюблен в дочку Кузьмы Преонского.

– Моя радость с вашей сравнима, – ответил Антуан.

Татьяна посмотрела на него вопрошающе.

– Я счастлив, что доставил вам радость и хоть немного успокоения перед клятвой отцовой, которую вы ему дали, – продолжил Антуан.

Дуня, видя, что разговор принимает уже другой оборот, предложила:

– Не хотите ли чего откусать?

Гость из вежливости отказался, и Дуня пошла проводить его.

– Я надеюсь, что теперь ваша душа будет более покойна и печаль сойдет с вашего лица, – улучив минутку, когда не было рядом нянюшки, сказал на прощание Антуан.

Татьяна теперь поняла, что не только из-за кольца попал молодой граф в ее дом.

– Я знаю, – продолжил он, – что мы вначале должны быть представлены друг другу по правилам, и поэтому смею надеяться, что мы еще встретимся с вами, – он прикоснулся гу-

бами к ее руке и, посмотрев в последний раз в ее спокойные глаза, удалился, надевая на ходу шляпу.

Татьяна почувствовала себя какой-то покинутой или свободной – сразу и не понять. Но кольцо, красовавшееся у нее на среднем пальце, заставило ее улыбнуться и мысленно еще раз поблагодарить Бога за найденную вещь.

Она прикоснулась губами к камню, улыбнулась и сняла великоватое колечко. Позже, уже ложась спать, она спрятала его в свою детскую шкатулку, принадлежавшую еще ее матери.

Глава 3

Татьяна с грустью вспомнила волнующие моменты своей юности. Балы, встречи, свидания и ужины... Все это пронеслось так быстро и незаметно, словно листва, опавшая в один день.

Вспомнила Татьяна и свой первый бал, ставший для нее таким важным событием. Тогда, в один из первых дней сентября, возведено было жителям Москвы барабанным боем и прибитыми к фонарным столбам объявлениями, что состоится большой бал, на котором будет присутствовать и сам царь Петр.

Татьяна Преонская тоже была в числе приглашенных. При дворе не забывали о том, какую роль в жизни государства сыграл Кузьма Преонский.

Татьяна не была обделена вниманием со стороны двора. Сочувствие, которое выражали все, кто так или иначе был связан с Преонскими, Татьяна воспринимала, как привязанность к ее персоне, а не как сожаление о ее потерянном родителе. Частенько ее приглашали на вечера, балы и ужины, устраиваемые известными людьми города и дворцовой знатью.

– До бала осталась одна седмица, а ты и не ведаешь как будто? – осторожно спросила Дуня Татьяну, которая уже собиралась спать, Татьяна рассматривала колечко каждый ве-

чер перед сном.

Вот и сейчас застала ее Дуня за тем же занятием.

– А вот ты и не права! Я еще вчера заказала Артюховой белошвейке платье из материи, которую еще при батеньке привозил иноверец. Помнишь?

– Конечно, лапонька моя, – нянька была так счастлива, увидев, что впервые Татьяна вспомнила отца без грусти, а на бал сама с радостью готовится. Пока Татьяна объясняла все тонкости в приготовлении к балу, Дуня не могла нарадоваться на новое настроение хозяйки. Она ласково погладила Татьяну по волосам.

Татьяне было восемнадцать лет. И лишившись матери еще ребенком, она была воспитана по-старинному, то есть окружена мамушками, нянюшками, подружками и сенными девушками, шила золотом и знала грамоту: отец ее, несмотря на тайную нелюбовь ко всему заморскому, не мог противиться ее желанию учиться пляскам немецким.

– А француз молодой тоже небось будет на балу? – спросила няня. И завидев, как засмушалась Татьяна, продолжила: – Встретила я сегодня приказчика евонного, поклон передал тебе спаситель наш.

– Ну пошто ты его спасителем-то кличешь? Антуан имя ему, Антон по-нашему, – еще пуще зарделась Татьяна.

– А то как же по-иному? Он и есть как спаситель. Тебя, голубу, от печали избавил, а Антон али Антуан – это для тебя, – ответила Дуся.

Пожелав Татьяне доброго сна, она удалилась из покоев. Нянька намеренно рассказала молодой хозяйке о поклоне на ночь. Пусть подумает, обсудит промеж себя, что да как. Понравился няньке молодой француз, и именно его хотела бы видеть она хозяином дома Преонских. Разузнав о нем поболее, Дуня пришла к выводу, что всем молодой граф подходит Татьяне. Несмотря на то, что Антуан был иностранцем, по приезде в Россию крестился он в православную веру, и это убедило придирчивую няньку в том, что молодой француз — подходящая пара для ее хозяйки.

А после того, как, встретив служанку Анастасии Быстровой, узнала она, что вознамерена Анастасия Павловна подействовать в союзе промеж Татьяной и Антуаном, и вообще успокоилась. Только и дел было у Дуни, что молиться и ждать, когда исполнится мечта ее и увидит она хозяйку свою счастливой и веселой.

Кюри, благодаря отличной русской речи, уважению к обычаям и традициям российским, не воспринимался в Москве как чужестранец.

А Татьяна тем временем с нетерпением ждала знакомый уже шорох у окна. Каждую ночь с тех пор, как принес Антуан колечко Татьяне, оставлял он на подоконнике молодой девушки букет полевых цветов, на которых поутру блестела святым цветом роса, отчего разливался по комнате нежный аромат.

Никогда Антуан не понуждал Татьяну выглянуть в окош-

ко. Знал о строгом воспитании и порядочности самой девушки. Да и окружение у нее было сильное. Никак нельзя было бросить тень на чистоту Татьяны. Он и не собирался – любил ее всей душой. И много хлопот доставил Антуан попечительнице Татьяниной – Быстровой Анастасии – своим нетерпением жениться на дочке уважаемого Кузьмы Преонского.

Анастасия Быстрова была первой, кто искренне поддержал Петра в его нововведении относительно изменения затворнической жизни женщин.

Царь Петр в предположении преобразовать отчизну, связав Россию с народами Западной Европы просвещением, торговлей, мыслил, что не вполне достигнет цели, если совершенно не изменит существовавших между двумя полами отношений. До царя Алексея женщины вели в России затворническую жизнь. При нем, и особенно в правление Софьи, они получили больше свободы, но свобода эта была еще весьма ограничена. Стоило девице сказать несколько слов чужому мужчине, который не был ее родственником, чтоб навсегда потерять доброе имя.

Петр I, увидев за границей, как уважение к прекрасному полу способствует очищению нравов, примером, увещеваниями, угрозой старался доставить женщинам больше свободы на родине.

Быстрова же, будучи сама матерью двоих дочерей, старалась как можно действенней исполнить царскую волю. Но в то же время она не испытывала особой радости от разыг-

равшихся чувств французского графа. Анастасия уже давно мыслила свою жизнь далеко от отчизны. И вся надежда была на дочерей. Но старшая, не оправдав надежд матери, вышла замуж за думного дьяка Артамона Васильева и жила с ним в мире и согласии уже несколько лет.

Осталась у Быстровой младшая дочь Ольга, на которую и рассчитывала Анастасия. С приездом Антуана она и связывала все свои надежды на скорейшую свадьбу дочери с французом. Но, прознав, что тот предан России больше, чем птица гнезду, временно отложила свою задумку и пока находилась в очередном поиске будущего зятя.

В тот момент и приехал к ней Антуан.

– Анастасия Павловна, внемли просьбе моей, Христом Богом молю! – Антуан стоял на коленях перед Быстровой, склонив голову. Он примчался к ней сразу после того, как впервые встретил Татьяну на балу, после чего разузнал о ее семье. Не было в его речах и просьбах ни злого умысла, ни тайны. Влюблен был безумно.

– Ну что ты, что ты! Встань с колен! Непотребно царскому советнику валяться в ногах простой женщины, – Анастасия взяла его под руку, когда он уже поднялся, и посадила рядом с собой. – В чем беда твоя, аль с радостью пришел ко мне? – спросила она.

– Знаю я, матушка, о благородном намерении вашем относительно одной молодой красавицы, вот и пришел к вам за советом и руки ее просить у вас, – граф опять бухнулся

перед Быстровой на колени.

– Да не спеши ты и встань наконец! – Анастасия заволновалась. Она понимала, о чем и о ком просит ее Антуан.

– За Преонскую прошу, за Татьяну! – в волнении произнес Антуан, сидя уже на стуле.

Анастасия встала и прошлась по комнате, не зная, что ответить бойкому французу. Он человек рода знатного, к царю приближен. Радея о выгодах своего государя, она не пренебрегала и собственными. Почитая брак с богатой наследницей верным путем к достижению независимости и прочного положения в свете, давно метила соединить француза с собственной дочерью, но, видя, как обернулось дело, подумала: «С одной стороны, быть свахой меж царевым любимцем и девицей Преонской – дело и выгодное, и благородное. А с другой, жалко перекрыть себе скорую дорогу во Францию». Ведь были же у нее надежды на Антуана, а теперь, глядя в его влюбленные, по-настоящему влюбленные глаза, она понимала, что вряд ли добьется желаемого.

После некоторых размышлений и воспоминаний о своей неудачной юности она решила не спешить, но пообещала быть сторонницей в согласном решении и содействовать их скорейшей свадьбе. Антуан торопился, так как знал, что, возможно, в ближайшем будущем ему придется покинуть страну по делам государственной важности.

– Ты, Антуан, знаешь, что Преонская без отца и матери пребывает, но под покровительством находится, и ты знаешь

под чьим! – властный голос Анастасии враз привел француза в чувство. – Так вот. Совет мне надобно держать с людьми, повыше нас с тобой. Одна я решать это не могу. На особом счету девица эта, на особом. Я поговорю, а ты молись!

Анастасия вдруг почувствовала себя такой старой и уставшей от всего: дворцовых интриг, обмана, людского малодушия. В душе она даже порадовалась, что есть еще на свете люди с такими чистыми и светлыми чувствами. И решила помочь молодому человеку, а если не встретит он со стороны Татьяны холодности и отчуждения, похлопочет о скорейшей свадьбе. И лестно было Быстровой такое отношение к ней, особенно со стороны Антуана де Кюри. Французский граф единокорно был принят во дворце и за честь было зазвать его себе в гости.

– Смилюйтесь и будьте снисходительны! Бог не забудет щедроты души вашей, а я тем паче верен буду вам! – Антуан встал, собравшись откланяться.

– Милость есть удел царей! – ответила Антуану Анастасия и попросила слугу проводить его.

И стал с тех пор Антуан грезить одной-единственной женщиной на всем свете – Преонской Татьяной. Несколько ночей подряд стоял под окном своей возлюбленной, а когда принесли письмо от Быстровой, он сломя голову понесся к ней на совет. Прознав про интерес Татьяны к нему, он, не дожидаясь выздоровления Быстровой, вымолил у нее единоличную встречу с возлюбленной, которую Анастасия и раз-

решила.

После разговора с Татьяной и вручения ей подарка – кольца родового – Антуан стал смелее в поступках. С тех пор каждое утро находила Татьяна на окне своем цветы и рдела, представляя лицо человека, собиравшего их в ночи.

Оба они – и Татьяна, и Антуан – с особой тщательностью готовились к балу и с особым настроением ждали этого дня, предчувствуя что-то необыкновенное.

Глава 4

Спустя несколько лет после свадьбы ничто в Антуане не напоминало того, каким он был при первых их встречах. Об этом подумала Татьяна, когда смотрела на пьяного мужа, спорившего о чем-то с извозчиком.

Вспомнилась их свадьба, веселая и пышная, вспомнилось, как долго Татьяна не могла отблагодарить Быстрову за участие в ее жизни. И когда младшая дочь Быстровой, Ольга, выйдя замуж за иностранного посла, не могла с семьей выехать за пределы родины, Татьяна и Антуан сделали все возможное для их благополучного отъезда. С Ольгой уехала и мать, Анастасия Быстрова – попечитель и лучший друг молодой семьи Преонских-Кюри.

Поженились они в 1699 году и поселились в большом московском доме – настоящих хором. А в 1701 году родился Никита. Сын Татьяны получил от родителей двойную фамилию Преонский-Кюри. При венчании Антуан, после крещения уже привыкший откликаться на имя Антон, присоединил к своему имени фамилию жены. После свадьбы молодые супруги не могли надолго остаться одни. Дела, не терпевшие отлагательства, разлучили молодых на несколько дней.

Погружаясь в своих воспоминаниях в те уже далекие дни, Татьяна отчетливо представляла и свои переживания, и свои поступки...

Вчера приезжал поверенный от Антуана и передал весточку молодой жене, что возвращается молодой граф и шлет поклон.

— Дуня, посмотри, все ли ладно в палатах и опочивальне? Истопили ли баньку? Да, и проверь, не напился ли приказчик? Дюже не любит Антуан пьяниц и разгильдяев! — говорила Татьяна.

— И откуда же ты его так распознать-то успела? — подозрительно спросила Дуня.

Татьяна не ответила на вопрос няньки, а лишь гордо прошла мимо и уселась у окна с вышиванием.

От приятных мыслей у нее радостно забилося сердечко. Сегодня она отдаст Антуану их родовое кольцо, благодаря которому они и встретились. Хотя, конечно, его должен носить потомок рода Преонских, но Татьяна слишком любила Антуана и поэтому решила подарить ему перстень в знак любви и признательности.

За окном уже смеркалось. Становилось тихо и спокойно. Но в доме Преонских-Кюри все готовились к приезду молодого хозяина.

Долго ждала Татьяна мужа и уже после молитвы, собираясь идти в опочивальню, услышала на улице шум. Татьяна приоткрыла нижнюю часть окна и увидела, как по улице

проехала телега тройкою, следом еще и еще, потом солдаты, конные и пешие.

Татьяна подняла весь дом на ноги, объявив, что хозяин, вероятно, возвращается.

– Ох, батюшки, батюшки мои! Поостывала снедь-то вся! – причитала Варвара-стряпуха.

– Разогрей! – приказала Татьяна и вышла со свечой в сени, проверить, на месте ли челядь. – Фома! Филипп! Гаврила!

– Да, боярыня, мы все здесь. Токмо сумнения меня гложут, что нетути хозяина нашего с приезжими, – Филипп говорил тихо, не глядя хозяйке в встревоженные глаза. Она с волнением следила за многочисленным народом, проезжавшим и проходившим по улице.

– Ежели нет, спать идите и до утрени отдохайте. Авось не приедет он за полночь, – печально ответила она.

– Мы, хозяйка, тут уж давненько стоим, всех опросили приезжих-то, – прищулив подслеповатый левый глаз, сказал ей конюх Гаврила.

Татьяна впервые поняла, как переживают эти люди не только за нее, но и за Антуана. Ведь и у них становится на сердце легче, когда хозяева живы-здоровы. Эти люди – Дуня, Варвара, Фома, Филипп, Гаврила, знающие Татьяну сизмальства, были ей семьей, заменившей и отца, и мать, а дети их – братьев и сестер.

Так и не дождавшись Антуана в ту ночь, Татьяна со смешанным чувством страха и волнения легла спать.

Антуан же, уже состоявший на службе в Посольском приказе, вместе с начальником своим Сапуриным Павлом Сергеевичем обязан был доставить важные торговые договоры.

Их должен был передать лично в руки посыльному Все-славу Потерину сам Сапурин в местечке, что находилось в трехстах верстах от Москвы. И Антуан был выбран сопроводителем для важного деятеля неспроста. Антуан разбирался в иносказании и инописании. Также он был рекомендован Петром как лучший стрелок и не по летам мудрый воин.

Задержка их объяснялась непогодой, заставшей их на обратном пути.

Антуан, пряча лицо и руки от холодного дождя, дожидался Павла Сергеевича в карете.

– Что, замерз, небось? Не привычны вы к непогодушке нашей, оттого и чахнете, – говорил Павел Сергеевич дрожащему Антуану.

– Я уже привык, ваше сиятельство, – выпрямившись, ответил Антуан.

– Молодцом! Молодцом! Хвалю, и сам ты хорош, и жену выбрал себе подходящую! – Сапурин дружески похлопал Антуана по плечу.

У Антуана дрогнуло сердце. Он, забыв о непогоде и делах, вспоминал он Татьяну, единственное его счастливое препятствие, не позволившее уехать на родину. Вспоминал ее глаза цвета, как воды Белого озера у Ферапонтова монастыря, куда они ездили вместе с придворными, волосы цвета весеннего

меда. Стройный стан жены манил его, и привиделось Антуану во сне, что рвет ветер одежды на ней и не может Татьяна противиться непогоде, только слышит во сне Антуан: «Беги, беги, беги!»

Проснулся он, когда на востоке уже занималась заря, словно спелая рябина алым цветом оседала и растворялась в бесконечно голубой дали неба.

В доме, приютившем их поздней ночью, слышались осторожные шаги челяди. Антуан чувствовал себя выспавшимся и бодрым. Все радовало его утром, вот только Татьяны не было рядом.

И опять, как вчера, сладко защемило сердце. Но нельзя ему распускать себя, надо быть постоянно на страже. Уж очень льстили Антуану похвалы сапуринские. Хотя не сыпал тот ими часто, Антуан старался всегда в милости находиться и не подпускал к нему более никого.

Павел Сергеевич приболел еще с вечера, поэтому Антуан решил после завтрака первым делом зайти к нему.

За столом Антуану прислуживала молодая, пышнотелая и шустрая вдова, повариха Глафира. Проходя мимо Антуана, нет-нет, да и заденет его рукой, а то наклонится так, что у молодого француза искры из глаз. Горяч, молод, силен и жена далече, а тут сама ведь пристаёт. Но выдержал Антуан пытки, откушав, поблагодарил хозяина и вышел на улицу.

Как раз в тот момент к дому подъехала запряженная тройка, и из кареты вышел довольно молодой человек. Спокой-

ным шагом он направился к крыльцу.

Увидев из окна незнакомого возницу, вышел на крыльцо и хозяин дома Андрей Семенович Гладилин – именитый боярин, владелец обширных вотчин.

– Дай вам Бог здоровья и милости! – начал незнакомец, держась рукою за левый бок, но стараясь при этом показать воинскую выправку.

– И тебе того же, мил человек, – поприветствовал его Андрей.

Антуан молча наблюдал за всем происходящим, стоя в сторонке.

– Здесь ли остановился великий князь Сапурин Павел Сергеевич? – спросил приезжий.

– Экий ты приткий! Ни имени, ни звания не представил, Сапурина ему подавай! – возмутился Андрей и обратился к Антуану: – Это к вам, наверное.

Антуан, прослышав имя Сапурина, подошел к незнакомцу ближе.

– Воронков Валерий, офицер Пушечного двора, со срочным визитом к Сапурина от посыльного вашего Всеслава Потерина.

Антуан смерил его долгим взглядом и подал руку.

– Антуан де Кюри, состою при дворе его величества и являюсь поверенным Павла Сергеевича Сапурина.

Валерий Воронков, прослышав о столь важном чине Антуана, доложил, тяжело дыша:

– У меня срочная депеша князю Сапурину!

Что-то странное было в облике и манерах Воронкова.

– Запереть его в чулан до прояснения! А депешу ко мне подать, и прознайте, не лазутчик ли это? – приказал Антуан людям Андрея Гладилина, которые с любопытством смотрели на Валерия. Они поспешили исполнить приказ.

Валерий даже опешил от такого поворота событий.

– Вы не можете творить такое бесчинство! Мой разговор не терпит промедления! – кричал он.

Но Воронкова уже никто не слушал. Антуан, закутавшись теплее в овчинный полушубок, вошел в дом.

На улице слышался шум от бича, которым наказывали бедного Боронкова. Валерий не издал ни звука.

Следом за Антуаном в палаты вошел Гладилин и, недовольно глядя на Антуана, произнес:

– Я согласен, много сейчас развелось перебежчиков и изменников, но не думаешь ли ты для начала проверить, а уж после расправу чинить?

Открыв окно, он приказал своим людям прекратить наказание Боронкова.

Но Антуан мнил себя чуть не спасителем Сапурина и после слов Андрея лишь зло усмехнулся.

Ближе к вечеру Андрей вернулся из лесу и, спросив о Валерии, сказал Антуану:

– Молод ты еще и горяч больно. А он твой погодок... и солдат к тому же!

Не мог по чину Андрей с Антуаном спор затевать. Себе же хуже выйдет, да и привык он дисциплину военную блюсти.

– Я знаю, что делаю! И нет у меня надобности в учении твоём! – оборвал его Антуан и хотел было встать, но тут в дверях появился Сапурин. Накинутый поверх плеча кафтан, казалось, пригибает Сапурина тяжестью своей к самой земле. Откашлявшись, он спросил споривших:

– Что происходит? Отчего морды у вас, как у передравшихся собак? – Вид его выдавал болезненное состояние и вызванное этим раздражение.

– Поверенный ваш, с него и спрос! – бросил Андрей и вышел на улицу. Вот когда почувствовал себя Антуан несчастным и неправым.

– Ну?! – грозен был вид князя, как будто сидел пред ним самый отъявленный преступник.

Антуан, заикаясь, поведал Сапурину все случившееся.

– Да как ты посмел?! – кричал на него Павел Сергеевич. – Имел ли ты... Да кем ты себя возомнил?! – в гневе он сверкал глазами. Голос его, казалось, сотрясал стены крепкого жилища. Бесноват не по летам оказался князь. С порога так и накинулся на вотчинника.

– Ты-то, – обратился он к Андрею, – ты куда смотришь??? Али не видишь, что по дурости этот, – он показал на Антуана, – этот юнец и полк солдат может отправить на смерть, лишь бы славы себе сыскать.

Андрей лишь с презрением смотрел на Антуана. В этот

момент привели избитого Валерия. Двое стрельцов держали его за руки.

Голова его свисала на грудь. Кровь струилась со лба и, стекая по подбородку, капала на пол.

– Ох, господи! Что вы с ним сделали, окаянные? – Сапурин подошел и поддержал Валерия, посадив его в удобное хозяйское кресло, но, видя, что тот сидеть не может, перенес его на полати. Сапурин напоминал сейчас заботливую мать, нежно ухаживающую за чадом своим, а не бравого и смелого вояку, отрубающего головы врагам Отечества.

– От кого депешу везешь? – спросил Сапурин.

– По... потер... ина... – с трудом и хрипом выдавил Боронков.

– Что тебе поведал Потерин?

Валерий лишь открыл глаза и раненой рукой показал на левую грудь. Сапурин самолично стал снимать с него камзол, разыскивая бумаги.

– Не... смог Потерин... сам! Убили его. Мне... велел... бумаги, говорит, важные. Отвези. Ехал... три ночи... дни в лесу переждал...

– Молчи! Молчи, сынок, поправишься, расскажешь обо всем! – увещевал его Сапурин.

– Я его сопровождал с несколькими солдатами... – чуть придя в себя, продолжал Валерий. Сапурин отложил документы и внимательно его слушал. – Напали... много... Отдал он мне бумаги и просил вам отдать... лично.

Сапурина отвлек жест лекаря. Тот, обнажив грудь Валерия, показал Павлу Сергеевичу глубокую рану.

– Знаю... ранен. Не смогу... – Валерий внезапно затих.

– Делай! Делай хоть что-нибудь!!! – кричал Сапурин.

– Поздно, Павел Сергеевич, если б сразу, а так... Тем более что после битья. Сразу надо было, а теперь все, – лекарь собрал свои инструменты и вышел из горницы.

Антуан, ждавший все это время в светелке, по лицу лекаря сразу понял, что дело плохо.

Глава 5

После этого случая Антуан пытался уйти из-под покровительства Сапурина, но Павел Сергеевич, поговорив и убедив Антуана не предаваться отчаянью, оставил его в Посольском приказе, а не подле себя. Антуану эта новость не принесла ни удовлетворения, ни спокойствия, но все же он был рад, что дело закончилось таким вот образом, а не иначе. За службу справную и преданность России не стал Сапурин настаивать на суде и разбирательстве проступка его.

И Андрею Гладилину велел пригрозить челяди не болтать о произошедшем и самому забыть о случае. О Татьяне была забота у Сапурина. Не хотелось, чтобы дочка его лучшего друга Кузьмы Преонского страдала по вине мужа своего ветреного. Жалко ему стало Антуана, да и царь будет не в восторге от того, что совершил его подопечный.

Не знал правды всей Антуан о Воронкове. Не знал, что осталась у того дочь малолетняя, шести месяцев от роду. Без матери осталась Елена с рождения, а теперь и без отца.

Единственной воспитательницей и поддержкой стала для Елены бабушка Прасковья Акакиевна. Узнав о гибели сына Валерия, долго оплакивала старушка долю свою, а помощи ждать было не от кого. Воронков вовремя не известил никого о дочери и незаконной супруге своей – иноземке Алсу, привезенной им из Турции.

Но вернемся к Татьяне, ожидавшей мужа своего, отправившегося в поездку по государственным делам.

Лишь к вечеру следующего дня заскрипели половицы крыльца и послышались радостные возгласы домашней челяди. Татьяна в тот момент была в светелке и вышивала золотом рушник.

Антуан, увидев, что домашние испытывают неподдельную радость от того, что он вернулся живым и здоровым, мигом забыл о неприятностях последних дней.

Пока раздевался и здоровался со слугами, подошла и Татьяна. Как загорелись глаза у Антуана! Татьяна, скромно потупив взор, тихо прошептала:

– С добрым возвращением тебя!

– Здравствуй, милая! – он, сбросив тяжелый камзол, хотел приблизиться к Татьяне, но, вовремя сообразив, что представляет видом своим недостойную картину для своей возлюбленной, остановился.

Они долго стояли друг против друг и молчали. Наконец Татьяна, истомившаяся по мужу, протянула к нему руки и сказала с улыбкой:

– Ну же, подойди, неужели жены не признаешь?

Руки его дрожали, и не было больше сил сдерживать нетерпение обнять, наконец, любимую.

Даже усталость от последнего похода и неприятностей, связанных с ним, ушла куда-то далеко-далеко. Антуан ки- нулся в объятия любимой.

– Татьяна! Господи Боже! Как я скучал!

Глаза ее горели, и она тоже, забыв о соблюдении приличий при челяди, тихо прошептала:

– Да, милый, да! Я тоже скучала и молилась за тебя!

Нежно отстранив ее от себя, он посмотрел на нее и вновь обнял, как бы убедившись, что это она – его любовь, его печаль.

– Антон, – назвала она мужа по-русски, – Варвара ждет приказа моего, столы накрыты, и баньку справил тебе Гаври- ла.

Но он как зачарованный стоял и смотрел на жену. Такое счастье наполнило душу его, что обо всем на свете позабыл Антуан. Наконец, когда Татьяна стала хмурить брови, пыта- ясь угадать, о чем думы его, он, как паутину, разорвал ее смущение и ответил:

– Да, я сейчас, дай только постоять вот так еще, и уверить себя наконец, что не сон это!

Татьяна с любовью посмотрела на мужа и обняла его еще крепче, вдыхая запах его тела.

Она любила своего мужа всем сердцем. Просто любила, как могла: искренне, самозабвенно.

Хотела Татьяна кольцо подарить Антуану, но он его не взял.

– Оно же родовое и принадлежать должно дитю нашему, а не мне. Я хочу исполнить наказ отца твоего, так что носить его будет наш сын. А пока спрячь его и береги, – говорил ей Антуан, наконец по-настоящему ставший ее мужем этой ночью.

Они, счастливые и утомленные, уснули уже под утро. Целый месяц не было никаких вестей от Сапурина. Этот месяц Антуан принимал как пожалованный ему отпуск. Но, когда прошла седмица нового месяца, он всерьез забеспокоился.

Все передумал Антуан: и отставку, и недовольство им. Только молодая красавица жена была у него отдушиной, она единственная, кто радовал сердце Антуана.

Как-то утром, когда молодая чета сидела за столом, к их дому подъехала карета с поверенным от князя Сапурина. У Антуана перехватило дыхание, когда он увидел в окно Михайло Данича – советника Сапурина.

«Никак дурные вести привез?» – подумал Антуан и выскочил на крыльцо навстречу Михаилу.

– Велено до штаба доставить вас, – задыхаясь от быстрой езды, уведомил Антуана поверенный, взбежав на крыльцо, – вот и бумага имеется, – он протянул Антуану конверт.

Антуан взял его в руки, ожидая самого худшего.

«Была не была! Прочту – как знать, может и смилостивился князь и доклад не доведет до царя».

Он дрожащими руками вскрыл печать. Бумага гласила, что прибыть должен Антуан к Сапурина после полудня.

– А ты, Михайло, часом не ведаешь, каков Сапурин был намерен? Может, случилось что, чего я и не ведаю часом? – спросил осторожно Антуан у Михайлы Данича, разливая по чаркам анисовую водку.

– Дак я что? Я человек чину небольшого, и спросу с меня немного, – нарочно уменьшая свои заслуги, ответил Михайло. Уж больно охоч он был до похвал. Многие знали об этом и пользовались этой, наверное, единственной слабостью Данича.

В тот день и узнал Антуан, что не быть ему любимцем царя Петра. Злые или добрые языки донесли до царя весть о бесчинстве, сотворимом Антуаном. Ежели б был он роду русского, наверное, все было бы по-другому. Сильно был рассержен Петр за выходку его в лесном домике. Официально об этом никто не говорил, но все понимали. Это, конечно, огорчило молодого француза, но уж слишком был привязан Антуан к России, чтобы обиду сильную затаить.

* * *

«Как такое могло случиться? Ну почему?» – каждый раз спрашивала Татьяна себя, когда видела пьяного мужа.

Запил он, как только прознал, что поручения его выполняет совсем молодой дворянин. Смел был новый порученец царя, смел и надежен. Это-то и угнетало Антуана. Даже после разговора с Меншиковым, когда тот хвалил Антуана и

заслуги его – и военные, и торговые, ничто не изменилось в положении де Кюри.

И не остудило ревности к преемнику. Встретив того ночью, он вызвал его на дуэль. Благо в тот момент попался им граф Брюс (когда-то он отличился перед царем и был пожалован именем и щедрым денежным вознаграждением). Благодаря вмешательству Брюса история для молодого нового советника окончилась более чем удачно, в отличие от Антуана де Кюри. Его персона раз и навсегда потеряла вес при дворе.

Татьяна с горечью припоминала те времена, когда стыдно было даже на улице показываться. Уйти от мужа не давали приличия и... любовь. Несмотря ни на что, Татьяна любила мужа и была любима им.

И, как много лет назад, она прошла в опочивальню и открыла шкатулку. Татьяна достала кольцо и долго смотрела на него, а находившийся здесь Никита начал расспрашивать мать о перстне.

Татьяна, решив, что мал еще Никита, выпроводила его из опочивальни.

«Что за сны мне стали сниться каждую ночь? – думала Татьяна. – Если и дальше такое будет продолжаться, обязательно навещу Авдотью-Пичугу».

Фома сидел и смотрел выжидаячи на мать, Авдотью-Пичугу.

«Вот дал Бог матери дар на беду мне!» – не хотелось Фоме рассказывать матери о кольце проклятом, из-за которого теперь засовестился он на старости лет.

– Ну, что молчишь? Ирод! – голос матери вмиг отрезвил Фому.

Фома понял, что ответ ему надобно держать не только перед матерью, но и перед Богом. Ведь и его стезя недолго продлится на земле грешной. А покаяться никогда не поздно, тем паче что мать родная будет свидетельницей деяний его.

Тяжело вздохнув, он начал свой рассказ:

– Далеко это было и давно, когда был я на корабле лекарем у служивых бояр. Не богат был улов у нас, когда возвращались мы со стороны далекой, иноземной. Смеркалось, когда завидели мы недалече судно вражье, поспешно сняли паруса и решили тихо-молча мимо проплыть, чтобы не тревожить и подозрений не вызвать. Корабль-то чужой был, богатый с виду, а вблизи грозным казался.

Дак заметили нас чужестранцы и не вняли просьбе главного нашего, Митьки-Скоропала, дабы откупиться и отпустить нас с миром. Захватили всех без бою и супротивления и повязали, как агнцев смиренных. Не много нас бы-

ло на корабле, в отличие от вражьего. Не было проку головушки наши супротив войска корабельного класть. Повязали всех. Более прытких за море синее скинули, а подчинившихся приставили к веслам – судно вести. Там-то и встретился мне Кузьма Преонский.

Фома приуныл, вспоминая молчаливого и сильного мужика.

Глава 6

Фома подкинул поленьев в огонь и, не отрывая взгляда от яркого пламени, продолжил:

– Был он среди нас молчуном. Ни слова не слышал я, куда вместе весла держали и хлеб скупой ели. Думал я, что, может, немой он. Дак нет, раз так осадил капитана вражьего за угрозу какую-то, что тот долго стоял, как соляной столб, и все очухаться не мог. Сила в нем была необыкновенная. Ничто его не могло сломить. Думалось мне, что только берега ждал Кузьма подходящего и ушел бы с корабля, и никто не заметил бы. Откуда пришел сей человек и кем был – никто и не знал. Бывало, мужики опосля работы до лавок дойдут и смертными падают от усталости, а Кузьма все свободное время на море смотрел. Мог всю ночь простоять и работать опосля, будто вол. Я однажды вышел ради любопытства посмотреть: вода ли ему – помощница али он сам морской житель, изгнанный из пучин, и вернуться не может обратно за грехи какие?

Промеж мужиков какие только сказки не ходили о нем. Подхожу, значит, ближе и вижу. Стоит, словно исполин, и, за поручни корабельные вцепившись, смотрит на гладь морскую, будто молит об чем. Тут подходит к нему Джон – галерщик, собака черная. Подходит и молвит Кузьме: – Не надумал еще отдать мне обещанное?

– Как дождусь берега, так и расквитаемся, – грозно ответил Кузьма.

Заскрипел черноглазая собака зубами, но смолчал. Потом, значит, просит Кузьму:

– Дай взглянуть еще раз, – и протягивает руку за чем-то. Кузьма посмотрел на него, аки мышь на крупу, и, сняв кольцо, положил его себе на ладонь, но близко приближаться собаке черной не позволил. Джон, увидев кольцо, на колени пал, молитвы начал читать на тарабарщине какой-то. Кузьма сжал ладонь и пошел прочь. Подошедши прямо ко мне, Кузьма обернулся и молвил:

– Смотри, Джон, ты обещал выволить меня отсюда. Не забывай об этом. Боги тебя покарают за обман. А колечко я тебе на берегу отдам.

У меня аж дух захватило!

Джон только хотел что-то ответить Кузьме, как тот удалился. Только прослышал я об том, что Кузьма побег готовит, в меня будто бес вселился. Я стал раздумывать, кабы мне кольцом завладеть и побег устроить заместо Кузьмы.

Признаюсь, мать, удумал дело я нечистое. Знал я, что середь наших не был принят Кузьма и лихо его недолюбливал родич Джона – Бен. Хотел этот самый Бен первым кольцо то у Кузьмы испросить, да не успел. Хотя посулил Бен больше, чем Джон, но Кузьма – мужик еще того норову: кому пообещал, тому и отдаст.

И решил я Бена подговорить на кражу и побег с корабля

треклятого. Он согласие дал. Говорит: «Принесешь перстень, уйдешь с миром!»

Оно, кольцо это, вроде как в роду ихнем – талисман какой. Но видно было, что не охоч Кузьма отдавать перстень свой.

Да делать нечего. Кольцо я выкрал, и помог мне Бен с побегом. Что с Кузьмой дальше случилось, не знаю. Джон, собака злая, может, и убил Кузьму. Не знаю.

Фома вздохнул так легко и свободно, будто, рассказав о своем прошлом, гору с плеч сбросил. Часто он вспоминал Кузьму и сожалел о содеянном. Но прошлого не воротишь, и Фома стал понемногу забывать эту историю. А сейчас, когда исповедовался матери родной, все события того времени яркой картиной встали перед взором.

– Бог тебе судья, Фома, и нести тебе грех и крест свой до смерти, – Авдотья нашла разгадку сну своему и с той минуты стала ждать... женщину. Именно она была той слепой птицей в ее сне, которая застряла в тенетах живых и никак выпутаться не может.

* * *

Тем временем (Никите Преонскому-Кюри тогда исполнилось 6 лет) царь Петр, создатель всего прекрасного в царстве своем, хотел довершить свое творение царицей, достойной его не по рождению и предкам, которые всегда были ничтожны в глазах его, но по собственным превосходным ка-

чествам, отличавшим избранную им супругу.

В ноябре 1707 года исполнилась воля Петра: он обвенчался с подругой своей, которая до свадьбы приняла греческую веру и была названа Екатериной Алек сеевной.

В тот же год скончался отец Никиты – француз, до самой смерти своей остававшийся преданным России. Уже после кончины своего верного подданного царь Петр снял опалу и обещал Никите и Татьяне особую заботу и в будущем службу для ее сына почетную.

В 1713 году, вместе со всем двором, Татьяна с сыном переехала в новую столицу, Петербург, где поселилась в доме еще более просторном и роскошном, нежели их хоромы в Москве.

Еще через пять лет Никита, уже молодой семнадцатилетний юноша, состоявший в драгунах, присутствовал на отпевании несчастного царевича Алексея Петровича в Петропавловском соборе.

* * *

На берегах Невы красовалась новая столица России, возведенная по желанию Петра из болот финских, и уже в то время, через семнадцать лет после образования, обширностью и красотой изумлявшая иностранцев. Весь берег реки от Смольного двора, где ныне Смольный монастырь, до Новой Голландии был застроен.

В длинном ряду зданий отличались бывший дворец царевича Алексея Петровича, Литейный двор, деревянный Зимний дворец, огромный дом адмирала Апраксина, Морская академия, Адмиралтейство – здание с деревянным шпилем и двуглавым орлом на вершине, окруженное рвом.

Вообще, странная пестрота и разнообразие застройки новой столицы изумляло: дома каменные подле деревянных или мазанок, построенных из фашичника и глины; крыши железные или из муравленой черепицы подле тесовых; здания высокие с мезонинами, бельведерами, четырехугольными и круглыми, всеми затеями причудливой архитектуры – обочь низких лачужек.

Великолепная Малая Миллионная и обе Морские заселены были адмиралтейскими служителями, завалены лесом, канатами, смоляными бочками. Левую сторону Невского проспекта, и в то время уж засаженного деревьями от мостов Зеленого до Аничкова, занимали иноземные ремесленники: на правой виднелись Гостиный двор и деревянный собор Казанской Божией Матери, около собора красовались каменные палаты Татьяны и Никиты Преонских.

Именно в этой Петербургской стороне, считавшейся центром города, привлекали взор прохожего дома графов Головкина, Брюса, Шафирова, князей Долгоруких, Кикина и Бутурлина.

Но все строения Петербурга превосходил великолепием и обширностью дворец светлейшего князя, генерал-фельд-

маршала Александра Даниловича Меншикова на Васильевском острове.

Нововведения, предписываемые царем, очень нравились Татьяне, в отличие от ее ключника Филиппа, который постоянно выражал неудовольствие одеждой молодого Никиты. А Татьяна ему на то отвечала:

– Сказала бы тебе, да, видишь ли, не молод ты и многого не разумеешь! Чекмень твой и борода, Филипп, словно кляпыш, к которому ты пристегнут, как лихой кречет, крепко-накрепко.

– Понимаю речи твои, Татьяна Кузьминична, готов на все, чтобы была мне оттого польза, но бороды не остригу и кафтана не сыму! Ей-богу, не будет сего!

Татьяна только смеялась в ответ и отмахивалась от ключника. Часто свидетелями таких разговоров становились Никита и племянница Татьяны Ольга.

Пять лет назад, сразу после смерти Антуана, она приехала к Татьяне. Ольга Преонская была дочерью двоюродного брата Татьяны – Андрея Преонского, оставшаяся сиротой после смерти родителей. Татьяна с любовью и радостью приняла племянницу, помня и о своем сиротстве.

* * *

Именно в тот трагичный для царя день, когда покинул сей бренный мир его сын Петр, единственная надежда его и отра-

да после опального сына Алексея, по совету Авдотьи-Пичуги отдала Татьяна Преонская сыну Никите родовое кольцо, принадлежащее их семье.

– Никита, сынок, и ты, Ольга, подойдите ближе, – попросила Татьяна сына и племянницу.

Они, молодые и цветущие, медленно подошли к ней.

– Никита, сынок, сегодня тебе исполняется восемнадцать лет, и я бы хотела отдать тебе то, что по праву принадлежит мужчине нашего рода, – Татьяна открывала шкатулку, а Никита и Ольга, переглянувшись друг с другом, лишь пожали плечами.

– Этот перстень принадлежал еще твоей бабушке, потом он перешел к деду, а теперь тебе надлежит носить его с гордостью и памятью о предках твоих. А ты, Ольга, слушай и внемли. Как только подрастут ваши чада, передадите сей перстень им в дар, дабы продолжить сию традицию, – закончила Татьяна и протянула кольцо Никите.

Никита посмотрел на знакомое с детства кольцо, которое будет его спутником всю жизнь. Только сейчас ощутил он всю значимость этой безделушки. Внимательно вглядывался он, как замороженный в темный камень, заключенный в перстне.

Вдруг камень стал загораться светом красным, и виделось Никите море, и галиот, качающийся на волнах, и мужчина, налегающий на весла.

Все это так молниеносно пронеслось в камне, что не смог

понять юноша смысла увиденного.

– Никита, Никита... – слышался ему, как сквозь ветер, голос матери. Он насилу оторвал взгляд от камня и посмотрел на Татьяну.

– Что с тобой? – Ольга схватила его за рукав. Он тряхнул головой, и наваждение прошло.

– Да нет, устал просто, и все. Спасибо, матушка, все исполню, как велишь. Ответь мне только, отец мой тоже носил это кольцо? – спросил Никита.

И пришлось Татьяне рассказать всю историю о колечке жадно внемлющим Никите и Ольге.

Ольга была годом моложе Никиты. Как начали подрастать Никита с Ольгою, стало беспокойно на душе у Татьяны. Часто наблюдала она, что не братские узы соединяют этих двух молодых людей. Так и изводила бы себя Татьяна, ежели бы война не послала ей и Ольге расставание с Никитой.

Хотела Татьяна сама к Меншикову идти, дабы Никитушку к службе какой приставить. Во дворце служба – это не отлучка.

Не хотела Татьяна супротив природы идти. Как же брат с сестрой вместе будут?

Сколько раз говорила сыну и Оленьке замечала, но на все ее увещевания Никита говорил:

– Не волнуйтесь матушка, греха за нами нет! Да и воле твоей перечить я не стану.

«Какая тут воля! – с грустью думала Татьяна. – Любовь

уже никакой воле не служительница!» И боязно было на службу отпускать Никиту и тоска иногда так сердце займет, но ничего, попривыкла. А тут новая напасть — шведы заволновались, как только Петр согласился на союз своей дочери Анны и герцога голштинского Карла-Фридриха.

Тогда же Швеция лишилась своего короля-героя, и новые опасности стали угрожать России. Есть из-за чего поволноваться. При ныне покойном короле Карле министр Герц, понимая всю пользу, которую можно получить от дружеских сношений между двумя такими великими державами, как Швеция и Россия, пытался помирить их, и старания его шли очень успешно, тем более что Петр был недоволен своими союзниками.

Глава 7

Близилося совершеннолетие Никиты, когда молодой гвардеец был призван к царю, желающему дать ему секретное поручение. Несмотря на то, что молод был Никита душой и телом, признал в нем Петр верного слугу Отечества. Да и заслуги деда и отца его помнить умел самодержец.

– Хорош стал, хорош. И ростом вышел и челом, видно, умен! – такими словами встретил Никиту царь.

– Ваше величество, – с жаром произнес Никита, – обещаю быть полезным Родине, которую люблю! За нее, клянусь вам, готов положить голову!

– Жалую! Жалую! Молод ты, боярин! Молод и пример мой принял, я вижу. Токмо не все поняли того, что за Родину лили кровь Шереметев, Меншиков, Апраксин и били наголову тех, от кого переняли свой наряд, от которых научились многому и хорошему! Потому и вызвал тебя! Просьба есть у меня к тебе! Исполнишь? Доверие мое не обманешь?

– Клянусь! Клянусь, отец и воевода, буду только Родине служить и жизни не пожалею!

– Похвально! – Петр усадил Никиту за стол, заваленный картами и чертежами, документами и макетами маленьких иноземных галер и галиотов. – Знаешь, наверное, положение дел наших на Балтике? Несмотря на победы наши, флот вражеский славится силою! Я два раза предлагал мир Кар-

лу, королю шведскому: сперва по необходимости, а потом по великодушию. Теперь же исторгну его у шведов силою!

Царь был возбужден и взволнован, это передалось и Никите.

– И сим повелеваю тебе, – продолжил Петр, – быть в Балтийском море и по прибытии в Ништадт, место мирных переговоров, находиться в услужении барона Остермана. Его глазами и ушами будешь! Надежу на тебя возлагает он, по моему совету, – царь внимательно посмотрел в голубые глаза Никиты. «Тверд мальчишка и храбр! Таких нам надобно воспитывать!» – думал он.

И, сопроводив Никиту рекомендацией и письмом, попрощался.

– Смотри, Никита, не посрами имя деда своего и отца!

– Служу царю и Отечеству!!! – с великой страстью крикнул Никита и, повернувшись на каблуках, вышел.

Петр глядел юноше вслед и вдруг вспомнил своего сына, Алексея непутевого. Тяжко стало царю, часто думал он о сыне, не принявшем все науки царя и отца по наущению матери своей.

Войдя в прохладную церковь, Петр пал на колени перед святыми образами и молвил:

– Благодарю Тя, Господи, что сподобил меня пожать плоды моих усилий! Сердцеведец! Ты зрел чистоту моих помыслов и благославил мои начинания. Свет наук начинает озарять Тобою вверенное мне царство. Трудолюбие и доволь-

ство проявляются в хижине земледельца. Суд и законы заменяют произвол. Боже, сыплющий щедрою рукою блага по земле, осени мя Твоею мудростию на предлежащем мне пути, укрепи силы мои на труд, мне предназначенный, вознеси и возвеличь Россию в походе будущем и дай врагам моим ума и терпения!

Почувствовав облегчение, царь вышел из храма и направился к своим полкам.

Никита, подъехав к дому на лихом вороном жеребце, кинул узду стремяному и радостно вошел внутрь.

– Матушка! Ольга! – закричал он. Встревоженные женщины выскочили в светлицу вместе с горничными и служанками.

Татьяна, узрев на челе сына родного волнение, схватилась за сердце.

– Чуюла, знала, что не кончились беды мои! Сына, Никитушку, на войну! Вот и снам моим разгадка! – причитала она, пока Никита делился радостной для себя новостью с Ольгой, кузиной своей и зазнобой.

Наконец, отстранив от себя рыдающую Ольгу, Никита подошел к матери и, тихо опустившись на колени перед ней, сказал:

– Посылает меня Петр на войну со шведами. Матушка, благослови и ты! Почестями обещал осыпать, как вернусь! Но не за них иду с войной! За деда, за отца своего. Не будет им совестно за меня на небесах! Все сделаю, а не посрамлю

святое для меня имя!

Он прикоснулся губами к руке матери. Та лишь беззвучно залилась слезами горькими. А за ней и Дуня, и все женщины, находившиеся в доме, зашлись плачем. Никита гордо выпрямив спину, крикнул:

– Неужель хороните кого?! Что запричитали, как отпеваете? Я хозяин и засим приказываю – молчать и готовиться к моему отъезду! Да поживее!

Вмиг разбежались все, как мыши по норам. Суров оказался молодой Преонский. Суров и грозен. Впервые челядь увидела в нем настоящего воина и хозяина.

На кухне прислуга обсуждала участь Никиты и горе Ольги и матери его.

– С лица Никитка наш – Кузьма Петрович покойный, Бог даст, и норовом пойдет в него, – заметил старый Лука, в бывший управитель дома Преонских. Многие с ним согласились.

– Дед все-таки ему родный, – проворчала стряпуха Варвара.

Сгущались над городом уже сумерки, когда наконец-таки Никита и Ольга остались одни.

– Никита, – обратилась к нему Ольга, – и надолго ты едешь?

– Я все-все тебе расскажу, когда ночью встретимся в саду, хорошо? – он подошел к ней поближе и принялся теребить ее непослушный локон. Она слабо отстранилась от него.

– Ты же знаешь, что матушке не по нраву встречи наши, – ответила она, ускользая из его рук.

– Не переживай! Матушка знает о том, что родство наше дальнее, и мы можем обвенчаться, просто за нас переживает. Молоды мы еще для нее. Да на глазах растем, вот и мучает себя. Ей бы легче было, если бы мы просто поженились.

Не успела Ольга ответить, как в комнату влетел запыхавшийся гонец от гоф-лейтенанта Преображенского полка. Никита и Ольга в недоумении смотрели на него. Наконец он, отдышавшись, произнес:

– Гордон приказал создавшимся отрядам начать сборы на Переяславском озере! Завтра утром!

Никита смотрел то на гонца, то на Ольгу. Вошла мать Никиты и, утирая глаза платком, приказала накормить гонца и готовить Никитины вещи.

Пока челядь, сбиваясь с ног, выполняла приказания Татьяны, Никита увел Ольгу в сад.

– Так много хотел сказать тебе, а сейчас будто все слова растерял, – он переминался с ноги на ногу, – но, Ольга, верь мне, что обещание свое я сдержу и когда вернусь, мы обязательно обвенчаемся.

Ольга строго смотрела на Никиту, как бы проверяя, верит ли он сам в то, что говорит.

– Что ты так смотришь? Аль не веришь, что жениться на тебе хочу? – спросил он.

Ольга ничего не ответила, а лишь пошла по садовой до-

рожке, все ускоряя шаг. Никита, вспомнив думу свою, кинулся вслед.

– Обещай! Обещай, что дождешься! – с жаром произнес он. – И я обет даю не забывать тебя. И еще: колечко наше родовое у себя храни, – он снял перстень с пальца и протянул Ольге.

– Как же, Никитушка, тебе ведь его носить надлежит! Нельзя мне его брать! – Ольга совала перстень обратно в руки Никиты. Он силою разжал ее кулак и надел колечко на пальчик.

– Это и твое тоже, а вдруг со мной что случится, отдашь его детям своим, как дед завещал! – он отошел от нее и, взглянув на Ольгу в последний раз, прошептал:

– Прощай!

А она лишь стояла, и слезы, хлынувшие из глаз, скатывались по щекам и падали на каменные плиты аллеи. С тех пор носила Ольга кольцо в кармане нижней юбки и никогда с ним не расставалась.

Глава 8

Когда король Швеции убедился в том, что русские полки наносят его стране серьезный урон, он сам предложил мир России. Петр согласился и послал в финляндский городок Ништадт тайного советника Остермана, к которому и был приставлен Никита.

Долго упрямились шведы, надеясь на помощь англичан, но терпение русского царя кончилось, и он приказал флоту выступать. Никита в числе первых, кого Остерман сам благославил на этот поход, бросился выполнять это важное дело во благо России.

Остерман славился своим умом и удалью, был лучшим дипломатом петровского двора, и потому служить у него считалось большой честью.

* * *

– А леса на наши похожи, – сказал Сергей Шустров – одногодок Никиты, самый смекалистый, славившийся храбростью, которая граничила у него с безумием.

Но была в его характере и еще одна черта. Он был самым веселым из отряда Никиты. Шустров был известен тем, что сочинял колкие стишки про своих друзей и врагов. Ему ча-

сто за это влетало и по этому случаю было дано ему прозвище Перевертыш. Он мог доводить бывалых солдат от слез до смеха, но в ту же минуту, получив приказ, становился самым серьезным и храбрым солдатом и был уже далеко, выполняя поручения, когда его друзья и однополчане еще отходили от его очередной шутки.

В отряде Остермана Сергей и Никита были самыми молодыми, потому они сразу сдружились. Сергей принимал и понимал шутки, порой совсем не безобидные, взрослых со товарищей, так как сам мог выдать такое, что другим ничего не оставалось, как махнуть на него рукой, а вот Никите приходилось туго. Военному делу он посвятил себя сознательно, но вот в общении с однополчанами Никита часто попадал впросак.

С отрочества его учили выполнять только приказы командиров, но тут он столкнулся с неожиданными трудностями. Сначала все только и делали, что не допускали Никиту к делу, постоянно издеваясь над его происхождением.

Остерман, под руководством которого уже находилось более пяти тысяч человек, не всегда мог контролировать жизнь своих гвардейцев. Он передал отряд, в котором состоял Никита, угрюмому и прославившемуся в боях отвагой и храбростью Борису Николаевичу Калинин.

Никита как раз хотел помочь Сергею напоить лошадей, когда подошел Мишка Листов, который был на пять лет старше Никиты, и ядовито произнес:

– Зачем же вам, граф, ручки марать, давайте уж я выполню приказ Калинина.

Мишка Листов был влюблен в Ольгу Преонскую, и когда его отец заслал сватов в дом Татьяны, Никита заставил и Ольгу, и мать отказать Мишке. И теперь тот поставил для себя целью сделать жизнь Никиты невыносимой.

В тот момент не было рядом Сергея, иначе он бы нашел, что ответить задире. Гнев охватил Никиту:

– Я с восемнадцати лет служу царю и Отечеству, а ты, как я посмотрю, в мои года об этом и не помышлял. Ты только думал, как бы под бочок девке какой молодой привалиться...

– Что?! – перебил его Мишка. – Ты, сопляк! Ты еще пороку не нюхал, а меня неспособностью попрекаешь?

Никита бросил поводья на землю и, подойдя вплотную к Мишке, смотрел ему прямо в глаза. Мишку никто и никогда не смог бы обвинить в трусости, но холодный и тяжелый взгляд Никитиных глаз сковал все тело Листова, он даже пальцем шевельнуть не мог. Минутная и зловещая тишина повисла над головами двух молодых людей. Казалось, что все звуки в лесу стихли, ожидая конца этого действия.

– Никита-а-а! – послышался голос Сергея. Этот крик разбудил наконец все вокруг. Зашелестели листвой чужие деревья в чужом лесу. Затрещали и зашумели на все лады его обитатели.

Мишка первым отвел глаза. Никита, круто развернувшись в другую сторону, собрал поводья и повел лошадей к реке.

Внезапно он остановился. Каким-то вторым чутьем он знал, что Мишка стоит позади и сверлит его взглядом, полным ненависти.

– Никогда, слышишь, никогда не смей переходить мне дорогу! – обернувшись, тихо и зло проговорил Никита.

Мишка в ответ процедил:

– Это мы еще посмотрим!

С тех пор Никита навсегда затаил злость и ненависть на Листова.

Сергей встретил его радостными криками:

– Никита, здесь столько рыбы! Ой! Наши «подруги» сейчас ее и расшугают.

Их «подруги» – лошади – огромным и шумным табуном вошли в реку. Сергей, взглянув на друга, враз изменился в лице.

– Ты что такой невеселый? Опять с этой Блохой поссорился? – Мишке Листову, отличавшемуся маленьким ростом, досталась эта кличка от Шустрова.

Сергей знал о натянутых отношениях Мишки и Никиты, но Никита попросил друга не вмешиваться в это дело, объяснив, что личные свои дела он уладит сам. Но Сергея было не остановить, и он придумал для Мишки такую шутку: «В шведской чаще лесной дружит Мишка со блохой, у него одна подруга, и живется им не туго». Об этом знал только Никита, и они частенько напевали вдвоем эту песенку, когда Листов был неподалеку, но старались, чтобы Мишка ничего

не услышал.

– Нет, Сергей, все нормально, давай загонять лошадей. Нужно быть наготове, скоро Калинин пожалует, – Никита обошел мирный ряд лошадей и принялся сгонять их на равнину.

Пред вечерними сумерками прискакал Калинин и приказал собирать полк для дальнейшего похода.

– За предстоящую ночь нам надо добраться до Умео и расположиться у речки Уме-Элье.

Солдаты жадно ловили каждое слово. Им уже не терпелось оказаться в городе и усмирить непокорных шведов.

Добравшись в три утра до речки Уме-Элье, Калинин вызвал к себе Преонского, Шустрова, Листова и еще шесть человек.

– Я собрал вас здесь не просто так, ваш отряд под предводительством Преонского должен произвести разведку по берегам Уме-Элье до Веннеса, не доходя до Умео. Мы знаем о положении шведов на данный момент, так что зря рисковать и доставать языка не надо. Это приказ! Выступаете через четверть часа.

В этот момент Листов упал в обморок. Все девять человек вместе с Калининным в недоумении смотрели на неподвижного Мишку, распластавшегося на полу.

– Что это такое? – наконец спросил Калинин. Теперь все смотрели на Калинина, но ответить не могли.

– Поднять! Живо на лавку и лекаря! И узнайте, что с ним!

Преонский, останься, – скомандовал он. Все врассыпную ки-
нулись из землянки Калинина.

– Тебе придется искать замену и быстро, – сказал Кали-
нин. В дверь землянки постучали.

– Входи, входи! – Калинин думал, что это лекарь, но вме-
сто него вошел его сын Дмитрий.

– Разрешите доложить!

– Ну?

– Я знаю, что с Листовым, у него падучая, но приступы
бывают редко, – напыжившись, как индюк, Дмитрий смот-
рел то на Преонского, то на Калинина.

– Откуда знаешь? – спросил командир.

– Сам сказывал!

– Хорошо, что хоть тебя предупредил. Ох, беда мне с ва-
ми.

Лекарь привел Листова в чувство и удалился. В землянке
Калинина остались только трое.

– Ты, Миша, останешься здесь, – устало сказал Калинин.
Листов с ненавистью посмотрел на Преонского, – а Ники-
та найдет тебе замену, ну не расстраивайся ты, – сказал Ка-
линин, видя, как изменился в лице Листов, – это на время.
Отлежишься немного, потом выступишь вместе с нами. Ты,
Никита, ступай собирать ребят. Бог в помощь!

– *Gott mit uns!*¹ – громко ответил Никита и вышел. Кали-
нин знал, что это любимая поговорка Остермана, и поэтому

¹ С нами Бог! (нем.)

лишь улыбнулся в ответ, вспоминая бравого вояку.

Все знали, что Преонский был любимцем Остермана, который недавно стал пользоваться еще большим уважением Петра. А способствовал этому следующий случай: государь выдал ему сто тысяч червонцев на подкуп шведских уполномоченных, Остерман употребил всего десять, а девяносто возвратил обратно казне. Это пришлось по сердцу Петру, который всегда берег государственное достояние и строго наказывал казнокрадов. Такое отношение к делам его начальника благотворно влияло на Никиту, которому Остерманом была обещана хорошая служба и устойчивое положение при дворе.

* * *

Листова отправили в лазарет и на время забыли о нем, что было ему на руку. Выбравшись из лазарета, он окольными путями решил пойти следом за отрядом. Эта упорная настойчивость в деле иногда подводила его.

– Чем Преонский лучше меня? – спрашивал сам себя Мишка. Но с каждым шагом ему становилось все хуже и хуже.

«Наверно, надо немного отдохнуть и набраться сил», – подумал он и свалился под огромное раскидистое дерево.

Голова раскалывалась, казалось, что в затылок кто-то с мучительным остервенением вбивает сотни гвоздей.

Он решил немного притупить боль грибами, растущими на коре старых деревьев. Об этом старом способе часто рассказывала ему его бабка.

Тем временем отряд Преонского медленно и осторожно пробирался сквозь тернистый угрюмый лес. По пути им встретились обходные разведчики Голицина, которые шли с донесением к Калинин. Их было трое, один из них был отцом Мишки Листова – Виктор Тимофеевич Листов. Дороги они не знали и поэтому попросили помощи у Никиты.

– Сергей, – обратился Никита к своему другу, – у Листова срочное донесение к Калинин, потому ты должен его проводить в лагерь, а я с другими пойду дальше, – и, видя, как нахмурился Шустров, продолжил: – Это приказ!

Листов-старший, в свою очередь, оставил своих людей в отряде Преонского и вместе с Сергеем двинулся в лагерь Калинина.

Сергей Шустров и Виктор Тимофеевич Листов уже знакомой для Сергея тропой возвращались в свой лагерь, по дороге рассказывая друг другу о предстоящей осаде. От него Сергей узнал, что Листов не виделся со своим сыном Михаилом около трех лет.

После того как Листов и Преонский стали врагами из-за Ольги, Мишка старался выбить Преонского из колеи. Он пытался сделать так, чтобы Никита выказал свою несостоятельность в делах военных, смешивая их с сердечными, что везде считалось ниже всякого достоинства.

Когда Мишке в доме Преонских дали от ворот поворот, он стал то исподволь, а то и нарочито строить козни Никите. Дошло до того, что недавно, когда отряд расположился на красивейшем берегу речки УмеЭлье, Мишка ночью отогнал табун лошадей далеко за реку в соседние поля и оставил по дороге картуз Никиты, дабы впоследствии его уличили в недогляде за доверенными ему в эту ночь лошадьми, которые числились лучшими и за которых было много заплачено и из государственной казны, и из карманов Калинина и Голицына.

Сам же Мишка в ту ночь куролесил в небольшом трактире недалеко от Веннеса. Шустрые шведки так завели Мишку, что очнулся он только на другой день после полудня и, вернувшись в отряд, застал радующую его глаз картину. Начальство было так разгневано пропажей лошадей, что даже не обратило внимания на позднее возвращение Листова и его хмельное состояние.

Не только Преонский становился объектом злых шуток Листова. Все, кто так или иначе хорошо ладили со своими начальниками, постоянно страдали от нападков неизвестного пакостника. И шутки его были супротив остальных злые и наносили значительный урон не только конкретному человеку, но и всему отряду.

Глава 9

Виктор Тимофеевич души не чаял в своем сыне, и Сергей не стал его разубеждать. Они ехали уже более получаса, тихо и мирно беседуя о предстоящем сражении.

В это время пятеро шведских лазутчиков по наводке своего тайного разведчика продвигались в сторону полка Калинина, удачно миновав отряд Преонского. Два враждебных отряда разминулись друг с другом в пяти-шести милях.

Напали на Шустрова и Листова-старшего неожиданно. Листова ранили, и он в любой момент мог умереть. Его и Сергея, тоже раненного, повязали и привели во вражеский стан.

Выстрелы были услышаны отрядом Никиты Преонского, и он спешно двинулся в ту сторону, откуда послышалась пальба. Шведы разбили свой лагерь на небольшой полянке. Уже занималась ранним светом заря, а во вражеском лагере жизнь шла полным ходом.

Листова и Шустрова привязали к большому столбу спиной друг к другу. Когда в очередной раз Сергей открыл глаза, он увидел неподалеку Мишку Листова и сразу все понял, хотя разум уже туманился. Сергей окликнул Виктора Тимофеевича, но поняв, что тот без сознания, в душе порадовался, что не увидит славный воин поступка своего сына-предателя. Но Сергей ошибался. Мишка Листов оказался таким

же пленником, как и они сами. Его нашли лежащим у дерева, совсем обессиленного, и схватили. Шведам он не мог сказать, где отряд Преонского, так как сам этого не знал.

Когда же Мишка увидел, что шведы захватили в плен Шустрова и какого-то старика, он понял, что Преонский не замедлит прийти сюда, услышав выстрелы. И, возможно, попадет в ловушку. Тогда, чтобы как-то облегчить для своих бой, Мишка направил вражеский отряд в противоположную, по его разумению, сторону, но оказался, к несчастью, не прав. Но Сергей-то знал, где находится Преонский, и когда увидел, какую дорогу указал Листов врагам, уличил его в предательстве.

«Откуда он узнал, что Преонский в той стороне?!» – думал с ненавистью Сергей.

Лархи, начальник отряда шведских солдат, в благодарность стал поить Мишку водкой прямо на глазах Сергея и Виктора Тимофеевича.

Старый вояка только раз посмотрел на Мишку и сквозь затуманенный взор спросил у Сергея:

– Этот... надеюсь, не ваш? – а когда Сергей отрицательно покачал головой, добавил: – В полку Калинина просто не может быть таких негодяев, да по всей России таких нету, – потом его голова безвольно упала на грудь.

«Я знал, что только от него можно ожидать такой подлости! Но неужели можно так ненавидеть человека, чтобы предать свою Родину! Своих товарищей, царя?!» – мрачные

мысли одолевали Сергея.

Мишка не подходил близко и отца своего видел только со спины. Сергей боролся с желанием посмотреть перед смертью в лицо Мишке, когда тот узнает, что сам же и убил своего отца, но в то же время он жалел Виктора Тимофеевича. Сердце Листова-старшего могло не выдержать такого. Сергей надеялся, что им все-таки удастся спастись, ведь недалеко они ушли от отряда Никиты, и он просто обязан был услышать выстрелы. Шведы пытались выведать у Сергея и Виктора Тимофеевича, куда направился отряд Преонского.

– Вот пусть этот подлец и рассказывает, где сейчас Преонский! – в сердцах крикнул Сергей. Мишка обошел пленников, но в изуродованном человеке отца своего не признал.

Он вплотную подошел к Сергею и процедил:

– Я не знаю, где Преонский, я думал, что послал их по ложному следу... Я не хотел! Я тоже в плену!

– Какое это теперь имеет значение? В плену мы, а ты на попойке! – сказал Сергей. Мишка обернулся на окрик Лархи и вернулся на свое прежнее место.

Сергей с ненавистью смотрел на Мишку и хотел было сказать, что это его отец привязан к нему спиной, как почувствовал, что Виктор Тимофеевич зашевелился. Вдруг Сергею пришло в голову, что, сказав правду Листову-старшему, он может его таким образом спасти, хотя вероятность такого мала. Однако рассказать ему о Мишке он должен был. Но не успел. К северу от стана слышались выстрелы. Лархи при-

нял решение убить пленных и бежать.

Тут у Сергея мелькнула мысль. Перед смертью он хотел как-нибудь предупредить Никиту о Мишке. Подозвав Листова, он проговорил:

– Слушай, ты, скотина! Я знаю, что вы нас убьете, но в память о своем отце, которого ты тоже сейчас убьешь, поклянись мне в одной вещи!

– Ну что ты несешь! И оставь в покое моего отца, он сейчас далеко отсюда, – отозвался Мишка, а потом, поразмыслив, сказал:

– А может, мне и вправду перекинуться к шведам, ты же по себе знаешь, как легко менять друзей. Сейчас, если Лархи меня не убьет, я буду изображать горем убитого и раненого солдата, потерявшего в бою друга. Ведь мы раньше были друзьями, не так ли? А потом ты меня променял на... графа! Тьфу! Мне ведь все равно никто не поверит, что я тоже оказался в плену, когда шел за вами следом! Ты что думаешь, легко вот так сказать сразу больным, когда Калинин дает тебе задание? А теперь и ты думаешь, что я предатель, и все тоже будут уверены в этом. Вот и подумай, как мне поступить?

Обстановка накалялась. Уже видны были русские отряды, сражающиеся со шведами. Лархи отдавал поручения и носился по всему лагерю. Он приказал привязать всех троих пленных к дереву и застрелить их.

– Предатели не стоят доверия! Ты об этом должен знать! –

сказал Лархи Мишке в лицо.

Мишка повернулся к Сергею и тихо проговорил:

– Это правда. Сергей, ты пойми, я не мог знать, куда движется ваш отряд, я хотел как лучше... – он не договорил. Первая пуля попала ему в плечо, он тихо застонал и закрыл глаза, но еще был жив. Сергей, убедившись, что Мишка слышит его, а швед пока заряжает ружье, стал быстро говорить:

– Я хотел бы верить тебе в память о нашей дружбе, но посуди, Мишка, это не тот случай, ты слишком далеко зашел! Преонский ни за что тебя не простит!

– Вот и я об том, – отозвался Мишка.

Лархи со своими людьми заканчивали последние приготовления, собираясь бежать.

– Я не верю, что ты тоже умрешь, – сказал Сергей. Мишка медленно поднял на него глаза и вопросительно посмотрел. Шустров ответил ему холодным взглядом и произнес:

– Я не знаю, кто ты на самом деле. Может, перебежчик, а может, тоже пленный, но прошу тебя об одном. Если Никита спросит, что перед смертью сказал Сергей, ответь, что я очень его любил и передаю ему такой стишок на память. Только запомни. Хорошо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.